

УДК 811.161.1'373.611

А. В. Мамрак

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

КОРРЕЛЯЦИЯ СВЕРНУТОЙ В ИМЕНИ ИНФОРМАЦИИ С СЕМАНТИКОЙ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПЕРИФРАЗЫ

Виявлено взаємодію з зовнішнім світом у похідних словах шляхом формалізації їхньої семантики в дефініціях.

Ключові слова: похідне слово, словотвірна семантика, словотвірна перифраза, дефініція, ізоморфізм.

Обнаружено взаимодействие с внешним миром в производных словах путем формализации их семантики в дефинициях.

Ключевые слова: производное слово, словообразовательная семантика, словообразовательная перифраза, дефиниция, изоморфизм.

In the article interaction with external world in different words by formalisation of its semantics into definitions is found.

Key words: derivate, wordforming, definition, isomorphism.

В структуре производного слова соотношение денотата и сигнификата определяется совокупностью признаков: денотат включает минимум сем, необходимых для обозначения границ предмета отображения, сигнификат (понятие) – всю совокупность признаков, которые в разных употреблениях слова «выступают в разных наборах» [8, с. 51].

Таксономическая характеристика денотата и сигнификата находит отражение в лексикографической интерпретации субъекта / предиката словообразовательной перифразы: субъект отражает связь производного слова с объектом внешнего мира и дифференцирует его с рядом подобных, предикат – с миром понятий. «Вместо того чтобы говорить, что субъект находится внутри суждения, мы охотно скажем, что суждение находится внутри субъекта» [15, с. 153].

Различие между субъектом и предикатом перифразы проливает свет на специфику денотатных и сигнификатных словообразовательных семантических группировок, иначе говоря, субъект перифразы представлен в рамках «предварительного полагания» (Лаланд) некоторой вещи. Как справедливо замечает В. Дорошевский, «в содержании сказуемого всегда наличествует определенный субъективный элемент. Утверждение чего-либо о каком-либо А является формулировкой отношений, в которых находится А, по крайней мере, по отношению к тому, кто формулирует это суждение» [2, с. 17].

Определяя предмет, мы находимся в сфере отношений: предмет – признак, предмет, ассоциированный с другими предметами, обладающими данным признаком, субъект как элемент вне перифразы, предмет в сфере непосредственного самонаблюдения состояния сознания субъектом, предмет в отношении к предыдущему опыту (апперцепция).

Таким образом, результаты взаимодействия с внешним миром обнаруживаются в производных словах путем формализации их семантики в перифразах – элементарных высказываниях с определенной синтаксической структурой, сопоставляемой с предикатным суждением.

А. Вежбицка, исходя из постулата, согласно которому семантика, коррелирующая с содержанием высказываний, призвана воспроизводить структуру челове-

ческого сознания [16, с. 225], приходит к выводу о необходимости упорядочения метаязыка, т. е. языка разъяснений, построенного на основе естественного языка, ср.: «Философия – не теория, а деятельность. Философская работа состоит, по существу, из разъяснений» [2, с. 112].

Теория А. Вежбицкой, которую она определяет как эксплицитную семантическую теорию языковой интеграции, строится на соответствии принципам познания, интерпретируемости и предсказуемости, не исключая возможности обращения (в перспективе) к проблемам формализации.

В то же время некоторые заявления А. Вежбицкой звучат несколько парадоксально. Отмечая особенности словарей К. К. Огдена и Г. Геренхейма, включающих соответственно 900 и 1500 «базовых», «фундаментальных» слов, А. Вежбицка рекомендует в целях их адекватного представления «сначала истолковать неопределяемые слова» [16, с. 57], иначе говоря, дать неопределяемым словам определение (!), что подтверждается дефиницией глагола *истолковать* (ср. значение форм глаголов в МАС: «*истолковать* – дать какое-либо толкование, объяснение; объяснить каким-либо образом»; *толковать* – определять (!) смысл, значение чего-либо» [10, с. 689].

Критически воспринимая теорию элементарных смыслов А. Вежбицкой, Нельсон Гудмен утверждает: «Не существует ни абсолютных элементарных терминов, ни такого их выбора, который был бы единственно правильным» (цит. по: [16, с. 51]). Невозможность дать определение исходным словам приводит Б. Паскаля к выводу о бесполезности этой процедуры: «Я не имею ввиду, что все люди обладают одним и тем же понятием о сущности вещей. Всем известной является не сущность вещей, а только лишь связь между вещью и именем» [14, с. 350]. Отмечая, что польский глагол *buć*, понятный поляку, но непонятный неславянину, является условным раздражителем, В. Дорошевский пишет: «Мы не определяем онтологического содержания глагола *buć*, исходя из того, что оно понимается интуитивно. В содержание интуиции в этом случае может входить сознание существования собственного «я» и его отличия от «не-я»: уверенность в существовании «не-я» является результатом своего рода «обратной связи». ... это польское слово *buć* или латинское слово *esse* являются знаками, поскольку они *percipiuntur* «воспринимаются ... : быть в качестве, «быть знаком» значит «быть понятным», состоять в определенном, раскрытом выше отношении к сознанию того, кто реагирует на это слово как на знак или оперирует им как знаком» [2, с. 128].

Лейбниц указывает на незначительное количество «понятий», которые «мысленно представлены сами по себе», разрушая между прочим незыблемость постулата о единстве языка и мышления [13, с. 430]. Так как производное слово, ассоциируемое со словообразовательной парой, выступающей в качестве его расшифровки, развернутого структурно-семантического варианта и являющейся непременным атрибутом словообразовательной дефиниции, представляет обозначение соотношения различных понятий (идей), значение производного слова (исходной перифразы) не может быть, по крайней мере, на первый взгляд, минимальным, нечленимым. Однако такой вывод преждевременен: обязательность и регулярность структурно-семантической связи производного и производящего слова делает проекцию производящего слова в производное конститутивным признаком последнего, что ставит его в один ряд с другими конститутивными единицами языка. Таким образом, можно утверждать, что понятие минимальности носит относительный, уровневый (соответствующий уровню) характер.

Процедура семантического анализа производного слова состоит в сведении производных слов к минимальному набору семантически простейших словообразовательных пар, из которых могут быть произведены все производные, сопостав-

ляемые определенному образцу нечлененого (на меньшие подобные), словообразовательного знака.

Выделение элементарных, нечлененых семантических составляющих производного слова предполагает удовлетворение их следующим условиям:

- 1) наделение статусом исходных образований;
- 2) исключение произвольности выбора элементарных терминов;
- 3) признание относительной степени нечленености, ставящейся в зависимость от субъективных (интуитивных) и объективных факторов;
- 4) констатация эмпирического аспекта семантического исследования одним из этапов лингвистического изучения;
- 5) допущение формального определения (ср. абсолютные синонимические определения);
- 6) формальная дискретность;
- 7) невозможность дальнейшей логической членености;
- 8) возможность синонимической замены;
- 9) соответствие требованию универсальности;
- 10) теоретико-потенциальная возможность членености;
- 11) наличие блока общих знаний, общих фокальных точек (В. Лефевр, Ю. А. Шрейдер).

При поисках словообразовательных примеров важна не семантическая сущность, а связь производного слова (перифразы) с элементом словообразовательного пространства. Через трансформации исходной семантики можно из «немногого» получить «бесконечное множество» (Б. Паскаль).

Обнаружение элементарных словообразовательных смыслов и их классификационных характеристик позволит составить целостную картину реляционных словообразовательных понятий (идей), выраженных или замаскированных в системе словообразовательных средств.

Утверждение, что информация, отражаемая единицами языка, «всегда воплощается в некотором тексте» [5, с. 10], привлекающее своей категоричностью, может быть принято с некоторыми оговорками. Действительно, текст, как «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными чертами которых является связность и цельность» [11, с. 1081], как средство коммуникации, является продуктом речемыслительных действий, направленных на представление, познание и осознание окружающей действительности. В таком понимании текст интерпретируется как «приостановленный», «исчерпывающий» дискурс. Однако отображательной способностью обладают и другие дуплановые единицы языка, что позволяет говорить об их семантической селективности, а следовательно, возможности использования в интерпретационных целях. Благодатный материал, на котором бескомпромиссно отрабатываются интроспекции и ментальности, дает словообразование.

В структуре производного слова соотношение денотата и сигнификата определяется совокупностью признаков: денотат включает минимум признаков, необходимых для обозначения границ предмета отображения, сигнификат (понятие) – всю совокупность признаков, которые в разных употреблениях слова «выступают в разных наборах» [8, с. 51].

Таксономическая характеристика денотата и сигнификата находит отражение в лексикографической интерпретации субъекта / предиката словообразовательной перифразы: субъект отражает связь производного слова с объектом внешнего мира и дифференцирует его с рядом подобных, предикат – с миром понятий.

Отрицание единства способов семантизации словообразовательных объектов находит обоснование в противопоставлении «дискурсной» и «понятийной» точки

зрения на словообразовательную семантику: производное слово ассоциируется с понятием, предложение – с суждением. Кроме того, внимание акцентируется на том, что предложение, будучи единицей категориоматического уровня, лишено способности интегрировать в единицу более высокого уровня. «В результате деления предложения на части, – писал Б. Трнка, – не получают элементы морфологического порядка (т. е. слова и морфемы) и, наоборот, сложение элементов морфологического плана не приводит к единице синтаксического плана – предложению, так как предложение (например, *отец лежит больной*) представляет нечто большее, чем простую совокупность изолированных слов, так же, как здание больше, чем сумма кирпичей, или начатая шахматная игра больше, чем совокупность функций фигур [12, с. 106]. Между тем отрицание сходства в приемах обозначения элементов объективной действительности не исключает аналогии в методах введения словообразовательной и синтаксической абстракции, их семантической идентификации.

Контраргументная интерпретация исходит из утверждений:

1) предложение обладает способностью именовать действительность, подобно слову, в свернутом виде, а не поэлементно;

2) в слове, как и в предложении, план выражения связан с планом содержания, который состоит из двух семантических областей – денотата (референта) и сигнификата (смысла);

3) референт обладает минимумом признаков, сигнификат состоит из образов, понятий и эмоциональных, волевых, эпистемических семантических компонентов;

4) аналогичная организация характеризует все значимые единицы языка, в том числе и предложение, что в значительной степени поддерживается идеей одно-многочисленных соответствий между предметной и понятийной сферами.

Учет связи семантики производного слова и синтаксиса возвращает интерес не только к ментальным характеристикам, порой наделяемым «признаками суетности и эфемерности» [8, с. 5], но и категориальным сущностям.

В последнее время широкое распространение приобрело утверждение, согласно которому семантика номинативных единиц языка аккумулирует семантические компоненты текста.

Раздельный подход к словообразовательной и синтаксической семантике сменяется объединением последних на почве когнитивистики. Связь словообразовательной семантики и синтактики выдвигает на передний план понятие словообразовательной интенции, словообразовательной телеологичности, составляющих основу словообразовательной функции [9, с. 3].

Возражая против отождествления логических и грамматических категорий, А. А. Потебня подчеркивал, что предложение может соответствовать не только суждению, но и отдельному понятию производного слова, «содержание коего, конечно, разложимо в суждение». В то же время «не только каждая пара членов предложения (подлежащее и сказуемое; подлежащее и определение; сказуемое и обстоятельство; сказуемое и дополнение) может соответствовать предложению, но и один член предложения может соответствовать одному и более чем одному суждению, притом не только в составных словах (укр. *пічкур* – истопник, человек, «курящий» печи; укр. *дривітня* – место, где «гнут», рубят дрова), но и в простых» [7, с. 167–168].

Одну из функций словообразования Е. А. Земская видит в упрощении синтаксической структуры высказывания, называя применение производных слов с указанной целевой установкой конструктивным словообразованием, которое удобно тем, что оно «упрощает говорящему синтаксическое построение речи, используя как средство номинализации» [3, с. 115].

Терминологическая модификация семантической конденсации производного слова стала предметом внимания Э. Бенвениста, Ш. Балли (трансформы суждения), В. Порцига (резюме предложения), М. Докулила, Г. Марчанда (редукция мотивирующих синтагм, суждений) и др.

Поскольку акт словообразования – это отражение предикатно-актантных отношений, заданных предикатом или ситуацией, их можно описывать с помощью словарных дефиниций в виде перифразы, включающей в обязательном порядке производящее слово и указание на актанты.

Обеспокоенность исследователей возможностью смешения в данном случае отношений логического и языкового уровней нейтрализуется использованием по условиям этой методики конструкций – языковых элементов, в которых реализуются эти отношения.

Словообразовательные дефиниции, представляя собой своего рода семантические подстановки-анalogии имплицитной стороны производного слова как комплексной единицы, способствуют выявлению не только композиционной семантики производного слова, задаваемой такими составляющими пропозиции, как аргумент и его функция, но и идиоматичных приращений, обладающих признаками обязательности и регулярности. Семантика производного слова является изоморфной семантике высказывания, отражая единую пропозициональную сущность. В этой связи трудно согласиться с высказыванием Е. С. Кубряковой, согласно которому такое объяснение значений производного слова фактически позволяет «определить исключительно общий содержательный каркас слова, но не его подлинное лексическое значение: все-таки единицы типа *косарь* или *ловец* означают не только «тот, кто косит» или «тот, который плавает». Идентифицируя семантику производного слова указанным способом, можно было определить его словообразовательное, формульное значение, но не его реальный смысл со всеми «приращенными» значениями или же коннотациями» [6, с. 14]. Дефиниции слов *косарь*, *ловец* как раз и отличаются включением всех приращенных сем или коннотативных элементов, ср.: *косарь* – тот, кто косит траву, хлеба; косец; большой тяжелый нож с толстым и широким лезвием для щепания лучины, соскабливания чего-либо и т. п.; *ловец* – тот, кто умеет плавать, тот, кто плывет: спортсмен, занимающийся плаванием.

Таким образом, композиционная структура производного формируется несколькими составляющими: значением производящего слова, семантикой аффиксов, характером идиоматичности. Последняя может носить как концептуальный, так и прагматический характер.

Результаты взаимодействия с внешним миром обнаруживаются в производных словах путем формализации их семантики в перифразах – элементарных высказываниях с определенной синтаксической структурой, сопоставляемой предикатному суждению.

Р. Карнап утверждает, что явление экземплификации свойственно только простым дефинитным (перифрастическим) предложениям, соотносительным с денотатом. Отсюда вывод: предложение не отражает ситуацию поэлементно. Моделирующий характер словообразовательной перифразы позволяет рассматривать ее как средство экземплификации словообразовательного значения. Сложные выражения не имеют экземплификации, так как их смысл носит производный характер: «смысл сложного выражения устанавливается семантическими правилами системы с помощью смыслов составляющих выражений и того способа, которым эти выражения соединены» [4, с. 69].

Критику противопоставления предложения и словосочетания, с одной стороны, и их составных частей – словоформ (лексем), с другой, делимитация между которыми устанавливается на том основании, что синтаксис изучает изменчивые, инди-

видуальні елементи, а морфологія – постійні, соціально значимі елементи, виявляють праці представників Празької лінгвістическої школи [12, с. 106].

Наблюдаютсь спроби пояснити співпадіння імені (субстанції) і неімені (атрибути, дієвості) в єдиному частеречному конгломераті відсутністю об'єктивних основань розмежування результатів (процедури) їх позначення. (Е. Бенвенист, У. Куайн, Г. Фреге).

Одному і тому ж семантичному еквіваленту можуть відповідати значення дієвості і признака, ср.: *Я голодаю* і *Я голоден*.

Різниця імені і глагола як предикативного центра речення не розділяються емпіричним семантичним аналізом, їх різниця – в фактах морфології. По мненню Е. Бенвениста, «то, як ім'я і дієслово відрізняються в тому або іншому мові (спеціальними морфемами або сполучуваністю і т. д.), або той факт, що в якомусь третьому мові ім'я і дієслово формально не відрізняються, – все це не дає критерію для визначення їх різниці і не дозволяє навіть сказати, дійсно чи таке різниця необхідно існує [1, с. 169].

Словообразовальної конструкції ставиться в відповідності синтаксическа конструкція перифрази, яка в будь-якій дефініції є реченням (повним або ситуативно неповним).

Перифраза, представляюча собою речення семантичного тотожства з похідним словом, включає суб'єктну частину «той, хто...», «те, що...», атрибутивну конструкцію «такий, який...», об'єктну структуру «те, чого...», «те, к чому...», омонімічну суб'єктну «те, що», «те, на (в) що», «те, з чим», «те, чим», «те, про чому», інструментальне структурно-семантичне ядро «те, чим», центр «те, де» і т. п. Перифразі поза формальної зв'язі з предикатною частиною приписується функція вербального заміщення суб'єкта в зовнішньому світі («я» – речення і «класическі» номінативно-дієслівні речення), і предикатною частиною, створюючою образ діючого предмета.

Структурне ядро словообразовальної перифрази задовольняє вимогам нечлененого, мінімального речення в значенні А. Вежіцкої.

Возможності трансформації ядерної предикатної структури дозволяють зробити висновок про еквівалентність її з предикатною дієслівною перифразою конструкцій з поліпредикативними відносинами (*отцепщик* – робітник, зайнятий відцепкою; *завоеватель* – той, хто здійснює завоювання), отсубстантивних іменних (іменних) образів, які включають компоненти з отглагольним дериватом (*нюхальщик* – той, хто займається нюханню; *оновитель* – той, хто вносить нове в щось; *откатчик* – гірняк, зайнятий відкаткою; *заготовщик* – той, хто виробляє заготовку; *заказчик* – той, хто робить замовлення).

Кількість актантів в метаязиковій дескрипції словообразовального признака визначається валентністю предиката. Це може бути одностепенна валентність (*западник* – сторонник західництва; *заправщик* – той, хто виробляє заправку), двухепенна валентність (*закупщик* – той, хто виробляє закупку чогось; *затримувач* – той, хто перешкоджає (затримує) вільному проявленню чогось); трохепенна (і більше) валентність (*захисник* – 1) той, хто захищає (захистить) когось, щось від посягань, нападення, ворожих дій і т. п.; 2) той, хто захищає (захистить) на суді інтереси обвинуваченого; 3) той, хто веде захист в футболі, хокеї і т. п.).

Обобщення предиката відбувається в напрямку категоріальної семантики – номінативного признака інваріантної частини вертикальної структури. Носителем процесуального признака може стати об'єкт дієвості, інструмент дієвості, місце дієвості, які позначаються обобщеними іменами, дифферен-

цируемыми содержанием придаточной части предложения нерасчлененного типа, в связи с чем могут быть подвергнуты операции трансформации – замены местоимением, которое лишено номинативной семантики: *тот, кто, то, что; то, на что; то, чем; то, где* и т. п.

Отсутствие в дефинициях деривата производящего слова объясняется подавляющим выбором из стоящих за какими-то рассуждениями одного из его синонимов. Производящее слово, следовательно, может быть возобновлено путем привлечения дефиниций членов соответствующего синонимического ряда, ср.: *усилитель* – устройство, прибор для увеличения (усиления) каких-либо физических величин (синонимический ряд: *усилить – увеличить, повысить, углубить, обострить, усугубить*); *защитник* – тот, кто ограждает (защищает) кого-либо, что-либо от посягательства, нападения, неприязненных или враждебных действий и т. п. (синонимический ряд: *защитить – оградить, предохранить, спасти, отстоять, заступиться*). Изменяя толкование производного слова так, чтобы оно включало производящее, мы определяем словообразовательный признак.

Для словообразовательных пар абстрактное метавыражение (или его трансформация), которое описывает отношение производного и производящего слова, есть гиперонимом по отношению к конкретным перифразам, которые выступают в качестве гипонимов.

Таким образом, учитывая, что словообразовательные значения отображают через язык концептуализацию предметного мира, дать описание словообразовательных отношений можно за счет включения в описание экстралингвистических сведений о денотате производного и производящего слова: профессиональный, социальный статус (специалист, рабочий, мастер), вещество, предмет (инструмент, машина, прибор), функциоанальная нагрузка, назначение (предназначен для) и т. п. Высокая степень регулярности словопроизводственных отношений обеспечивает возможность расширения соответствующих классов на основе аналогии словообразовательных отношений, упорядоченных иерархически по принципу «выше – ниже» (ср. эллипсис промежуточного звена или упрощение состава частных значений).

Библиографические ссылки

1. **Бенвенист Э.** Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
2. **Дорошевский В.** Элементы лексикологии семантики / В. Дорошевский. – М. : Прогресс, 1973. – 287 с.
3. **Земская Е. А.** Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
4. **Касевич В. Б.** Семантика. Синтаксис. Морфология / В. Б. Касевич. – М. : Наука, 1988. – 299 с.
5. **Карнап Р.** Значение и необходимость / Р. Карнап // Исследование по семантике и модальной логике; [пер с англ.]. – М., 1959. – С. 289–320.
6. **Кубрякова Е. С.** Типы языковых значений / Е. С. Кубрякова – М. : Наука, 1981. – 200 с.
7. **Потебня А. А.** Мысль и язык / А. А. Потебня // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 11. – М. : Гос. учебно-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1960. – С. 167–168.
8. **Степанов Ю. С.** Имена. Предложения. Предикаты / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
9. **Степанов Ю. С.** Некоторые соображения о проступающих контурах новой парадигмы / Ю. С. Степанов // Лингвистика. Взаимодействие концепций и парадигм : матер. межведом. научно-теорет. конф. – Вып. 1. – Ч. 1. – Харьков, 1990. – С. 3.
10. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; [под ред. А. П. Евгеньевой]. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1984. – Т. 1. – 790 с.

11. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; [под ред. акад. А. М. Прохорова]. – М. : Сов. энцикл., 1981. – Т. 4. – 1600 с.
12. **Трнка Б.** К дискуссии по вопросам структурализма / Б. Трнка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. – Ч. 2. – М. : Гос. учебно-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1960. – С 100–111.
13. **Leibniz G. W.** De organo sive arte magna cogitandi / G. W. Leibniz // Opuscules et fragments ineditis, éd L. Couturat. – Paris, 1903. – 430 p.
14. **Pascal B.** Oeuvres Complètes / B. Pascal. – Paris, 1963. – 350 p.
15. **Serrus Ch.** Traité de logique / Ch. Serrus. – Paris, 1945.
16. **Wierzbizka A.** Lexicography and conceptual analysis / A. Wierzbizka. – Ann Arbor : Karoma, 1985. – 368 p.

Надійшла до редколегії 01.06.10

УДК 811.161.1'36.7

И. И. Меньшиков

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гочара

ТИПОЛОГИЯ РЕСПОНСИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (к постановке вопроса)

Відповідно до комунікативного завдання висловлювання виділено особливий тип речень, які кваліфіковані як респонсивні. Здійснена типологічна класифікація респонсивних речень у сучасній російській мові.

Ключові слова: питання, відповідь, респонсивне речення, типологія респонсива.

В соответствии с коммуникативным заданием высказывания выделен особый тип предложений, квалифицированных в качестве респонсивов. Осуществлена типологическая классификация респонсивных предложений в современном русском языке.

Ключевые слова: вопрос, ответ, респонсивное предложение, типология респонсива.

A special type of sentences qualified as responsive ones has been separated according to the message communicative task. The typological classification of responsive sentences is effected in modern Russian.

Key words: question, answer, responsive sentence, typology of response.

Метаязык синтаксиса, языкового уровня, на котором приводятся в действие и приобретают свою функциональную специализацию все единицы и средства языка [12, с. 547], остаётся до сих пор чрезвычайно проблематичной составляющей и теоретической, и прикладной лингвистики. Система дефиниций даже основных синтаксических категорий и понятий, в том числе речевых построений, непосредственно связанных с актом коммуникации, далеко не в полной мере отвечает не только своему прямому назначению – толкованию и дифференциации указанных лингвистических фигур, но и самым общим требованиям, предъявляемым к определениям научного термина, – специализации этих определений и их максимально возможной точности. Этому, разумеется, есть свои причины как субъективного, так и объективного характера, связанные, в частности, и с относительно недавним по сравнению, скажем, с морфологией становлением синтаксиса как самостоятельного раздела собственно грамматики (в русистике это происходит лишь в XIX столетии), и – что самое главное – с огромным объёмом речевого материала, непосредственно находящегося в компетенции синтаксиса и оформленного в виде речевых цепей и